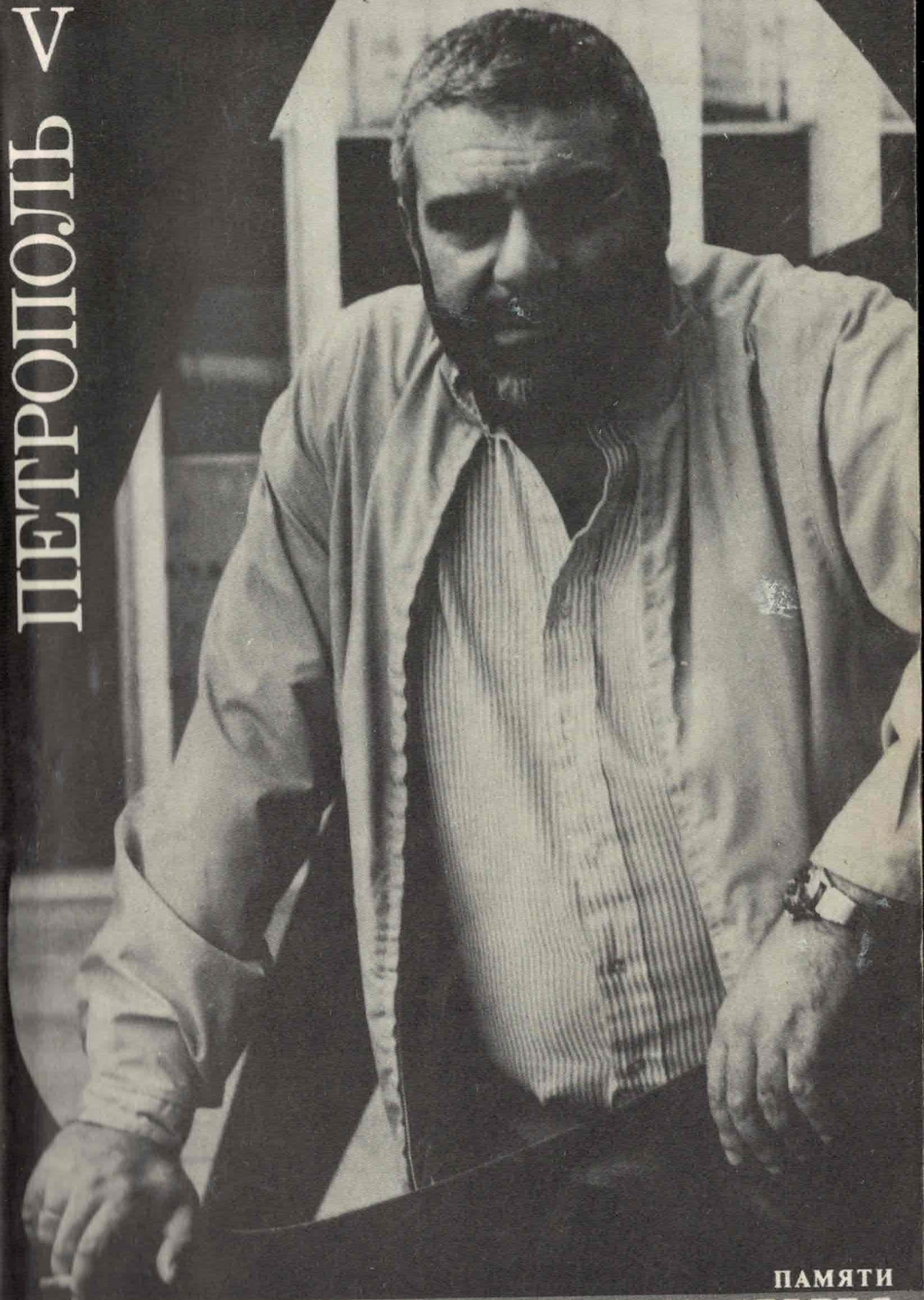

ПЕТРОПОЛЬ <

ПАМЯТИ
СЕРГЕЯ
ДОВЛАТОВА

СЕРГЕЙ ДОВЛАТОВ

Мы подружились в Нью-Йорке.

Живя бок о бок, ходя нога к ноге по Невской першпективе, звеня рюмкой в разно-тех же компаниях, встречаясь с теми же восточноглазными красавицами, выходя по утрам из одних и тех же полудомов, полубольниц, читая в аудиториях, в Ленинграде мы не были близки.

В Нью-Йорке же началось не с Довлатова, а с Вашингтона. 11 ноября 1987 г. ночью выпал снег, ударил гром и все замерзло. Самолеты остановились. Теледиктор говорила, вода глазами, что это случается раз в сто лет. Но это случилось со мною, и пришлось сидеть у моего львовского друга Василия Аксенова, пить лжепиво без градусов, есть сосиски сталинского периода, красную икру и др. предметы, которыми прелестные хозяева меня угощали.

Я пишу сию балладу, ибо пища у нас сейчас - область снов.

Я перечитал 16 романов Аксенова, мы осмотрели его рабочий кабинет с компьютерами и ксероксами, Майя подарила мне шубку и звездочки для холодильника, ошейник для пса и ежика с писком, и, наполненный едою и идейно-художественным содержанием творчества мною любимого писателя, я спросил Васю:

- Что делать?

- Да, - сказал Грустный Бэби, - самолеты заморожены. Читай Довлатова.

Я стал читать.

Наша литература в основном угрюма, дидактична и для чтения неинтересна. Не интересно читать формалистическую прозу Пушкина и Толстого, бездуховных скучноносых Чехова или Тургенева - все учат, как тучи нависая надо мною своими бородами, бакенбардами и пенсне. Это эпическое отступление я перечеркиваю и читаю Довлатова.

Мне не нужен Курт Воннегут, что повсюду хвалит С. Д., называя его вундеркиндом. Я слишком хорошо знал это буйное и длинное существо, как мне казалось. Так всегда кажется когда смотришь в лоб, а не сбоку. Книги Довлатова написаны в профиль, его герой Далматов - такой же двойник, как у Чаплина - Чарли. Сергей Довлатов - уникальный случай в русской литературе, когда создается всеми книгами - единый образ.

Его герой - двухметровый чудак, неудачник, то фарцовщик без денег, то конвоир спецвойск, упускающий заключенных, то неожиданный муж, влюбленный и не знающий, где его жена, то русский в Америке, которого шпыняют люди намного ниже его и ростом, и умом. Это Далматов. Но Довлатов, пишущий, пристален, жесток, не прощающ, он создает себе множество цитов то грубого, то изы-

сканного юмора и иронии, и за всем этим стоит тот мальчик, ранимый, добрый, чудесно-умный и чистый, которого я впервые увидел на университетском балу в новый, 1962 г., на елке, где он стоял в галстукe, под потолок, и думалось - как жить тому, у кого головы всех друзей - под мышкой, а женщины - по поясу?

Они встретили меня на жд., на вокзале в Нью-Йорке, и Сергей взял мой гигантский чемодан и понес, помахивая, как дамской сумочкой. Он бы и меня взял как тросточку, но я шел с Еленой (в роскошной шубе!), и оказалось, что ее тетя, да и она, были дружны в Ленинграде с моею мамой (на почве книголюбия!). Меня поразила юность Елены и цветущий вид Довлатова. Такая красивая и дружная пара, отличный автомобиль, начало заграничной славы Сергея, начало денег, "все в будущем, за морем одуванчиков"!

Вечный товарищ, он взял на себя все мои передвижения по Нью-Йорку, он плохо водил машину, тыкался в бамперы, но, слава Богу, не разбился. Он был бодр и деятелен, выдумывая новые приключения. Ел я как божество в их доме. Он страшно радовался, что я первый советский ч-к, выступивший по радиостанции Либерти, и это сделал он. Интервью со мною вел он, весело и виртуозно. Мои вечера в отелях вел он - лихо и тактично. Он был очень артистичен. У него не было пустых амбиций, он никогда не говорил о своих книгах, он любил книги сверстников - случай редчайший и драгоценный.

Его книги - изящно ограненные серии-бриллиантики, миниатюры. Он учился живописи.

ХОРОНИМ.

Мы прощались - он улетал в Вену, я в Техас. Стояла ночь и чернота, кафельный Нью-Йорк. Мы обменялись часами и очками. Больше мы не встречались. Я ношу часы Довлатова и хожу в его очках, мир притемненный. Узнав о его смерти, я запил и пил 12 дней стакан за стаканом, яд за ядом (по талонам), пока не свалился в руки медиков института им. Бехтерева, 5-е отделение, хорошо хоть, врачи были дружны, откачали. Русские банальности. НЕ ПЬЮ.